

Юрий
Затонин

Блоки горят
зеленым

Юрий Батяйкин
Яблоки горят зелёным

Издательский дом «Сказочная дорога»

2013

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Батяйкин Ю. М.

Яблоки горят зелёным / Ю. М. Батяйкин — Издательский дом
«Сказочная дорога», 2013

ISBN 978-5-4329-0027-2

В книгу вошли повесть «Яблоки горят зелёным» и рассказы. В них автор использует прием карнавализации. Читая их, мы словно оказываемся в самой гуще «карнавала», где все переворачивается, обычные наши бытовые представления меняются местами, слышится брань... И королями этой карнавальной стихии становятся такие герои Батяйкина, которым претит подчиняться общепринятым правилам. Автор выводит нас на эту карнавальную площадь и на миг заставляет проститься со всем мирским (как перед Великим постом), чтобы после этого очиститься и возродиться... Обладая удивительным чувством юмора, фантазией, прекрасно используя русский язык, автор создает образ Москвы эпохи застоя да и нынешней. Он предстает перед нами проповедником любви не через отрицание любви, а через отрицание того, что мешает ей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-4329-0027-2

© Батяйкин Ю. М., 2013
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2013

Содержание

Глядя с карниза	6
Яблоки горят зелёным или Необычайные приключения старого большевика Малофея Бочкина и участкового уполномоченного Рома Погадаева	8
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юрий Батяйкин

Яблоки горят зелёным

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора

Иллюстрация для 1-й стр. обложки любезно предоставлена художником *Геннадием Артыковым*.

На последней странице обложки фотопортрет Батяйкина Ю.М., выполненный фотохудожником *Павлом Васильевым*

Глядя с карниза

Я родился легко и жил до определенной поры легко. Поскольку воля у меня была из стали, а кулак наподобие молотка – эти два фактора позволяли мне жить относительно независимо.

Однажды мне пришлось пройти по карнизу 11 этажа размером с каблук. До сих пор вижу игрушечные машинки и каких-то муравьев внизу.

Поскольку у меня был всеми признанный литературный дар, я позволял себе сочинять от нечего делать «рассказики» с позиции стоящего на карнизе. Всерьез я к своей прозе не относился.

Но однажды я побывал в гостях у моей приятельницы, некоей Людмилы Борзак, впоследствии ведущей московского радио, и она попросила меня написать «рассказик», что я тут же на ее глазах и сотворил. Этот рассказ назывался «Графиня де Кавальканти» и описывал в оригинальной форме реальный эпизод ее жизни. Всякий раз, когда я ее посещал, я что-нибудь сочинял.

Я также сочинял рассказы в гостях у других своих знакомых. Скорее всего, потому что сочинялись они не для печати, а для друзей, мысли в них текли спокойно, ничем не стесненно.

Какая бы то ни было внешняя или внутренняя цензура в них отсутствует совершенно. Ни их форма, ни их содержание меня никогда не волновали.

Помимо прозы я всегда сочинял стихотворения и долгие годы считал и считаю это занятие главным в моей жизни. Стихи я, напротив, пытался опубликовать, а поскольку у меня не сошлись точки зрения на творчество с советской властью, я попал под весьма заботливую опеку КГБ. В беседах со мной эти господа почти всегда упоминали о моих рассказах, так что благодаря им я начал думать, что они из себя что-то представляют, кроме развлечения для меня и моих друзей.

В этот период я написал первую свою фантастическую повесть «Старая рукопись», увезенную знакомым моих знакомых во Францию и, по непроверенным слухам, опубликованную в каком-то журнале. Мой экземпляр повести, к сожалению, пропал. А что касается повести «Яблоки горят зеленым», то я просто взял перо и одним духом написал половину повести. Потом я так же написал вторую.

Повесть имела оглушительный успех. Я чуть ли не ежедневно читал ее в домах маститых писателей, на нелегальных студенческих вечерах, на так называемых «квартирниках». Все, в том числе известные, великие люди, катались от смеха по полу, а я зарабатывал себе статью 190 прим. УК РСФСР.

Хотя в повести, на мой взгляд, ничего особенно антисоветского не было, но почему-то именно она как магнит притягивала к себе органы госбезопасности, пока они не выкрали ее из моей квартиры ночью, когда я находился на дежурстве в Доме-музее А.Н. Островского. Да еще один «друг», взявшись переправить ее на Радио Свобода, отнес ее в «контору». Поскольку от меня чекисты видели только ненависть и издевку, они арестовали мою питерскую знакомую у дверей квартиры. «Ну, раскалывайся, диссидентская подстилка», – сказал ей какой-то майоришка. На его невезенье, отец моей приятельницы оказался крупным партийным бонзой, и через несколько минут идиот «зело посрамлен был, и со стыдом велием в оцех бежаша»...

Началась «перестройка». «Яблоки» подрядилось опубликовать издательство МГУ «Прометей» совместно с «Воздушным транспортом». Эти господа обворовали меня на три тысячи рублей, которые матушка дала мне из «похоронных»...

Через пару лет после этого одиозная московская литературная дива Оля Ермолаева взяла у меня рукопись для «Знамени». Много восторгов было и якобы обещаний редсовета напечатать, а рукопись в результате пропала. Интересно, что в том же журнале в ранней моей юности у меня пропали четыре общих тетради стихов.

Тогда в Ленинграде мой друг и известный на весь мир литератор Виктор Кривулин принес в «Звезду» рассказы и «Яблоки...». Охали-ахали, но неожиданно замолкли и рукопись не вернули.

Наконец рукописью заинтересовался московский журнал «Киносценарии». Там повесть почти опубликовали, во всяком случае, было очень много искренних объяснений в ее талантливости и пригодности для кино. А когда повесть прочел Леонид Иович Гайдай, он пригласил меня на «Мосфильм» и сказал: «Юра, я бы сам снял эту картину. Но я уже ничего не снимаю – не по силам. Я дам тебе другого режиссера, он снимет». При этом присутствовал Джигарханян. Он сидел на диване перед раскрытой дверью Леонида Иовича и поминутно куда-то звонил, справляясь о здоровье котенка или кошки.

Режиссера Гайдай мне действительно дал – Наумова, но последний, разыграв бурный восторг, по сей день ничего не снял, хотя много лет пыжился и заставлял пять раз привозить ему рукопись. А Гайдай через год после нашей встречи умер.

Я никогда не пытался «пробиться». Я считаю это ниже человеческого достоинства. Тем не менее мои сочинения как-то расходятся по свету, иногда в виде идей или кусков, присоединенных новыми гениями к их безвкусным созданиям.

То, что удалось придумать мне касательно рассказов, возможно, могло бы претендовать на открытие в литературе. Потуги на то, что мне шутя удавалось еще в юности, я вижу у множества претенциозных современных литераторов. Однако пока среди них нет по-настоящему талантливого человека и этот, еще не родившийся, в этом ключе еще ничего не сочинил и не напечатал, я вправе, думаю, претендовать на эфемерную пальму первенства.

Юрий Батяйкин
Октябрь 2012 года

Яблоки горят зелёным или Необычайные приключения старого большевика Малофея Бочкина и участкового уполномоченного Рома Погадаева

Однажды Малофей Бочкин, бывший член охраны царя и Ленина, сподвижник Ежова, Ягоды и Берии, разгадывая от тоски смешной кроссворд: «Кто еще из соседей троцкист и враг народа», услышал, как в прихожую уверенно позвонили.

– Не ожидал? – спросил Бочкина сыто выглядевший мужчина, от которого к тому же пахло гусем. – А я к тебе по делу: проверяю состояние жилфонда.

– Что ж, пожалуйста, – пропуская управдома вперед, уважительно кашлянул Малофей.

Войдя в комнату и увидев несусветную грязь и бесцеремонно совокуплявшихся на лбу у спящей супруги Бочкина тараканов, управдом осерчал.

– Не стыдно тебе, Малофей, – сказал он, – так обос...л жильё коммуниста. Смотри, не сделаешь ремонт, не посмотрю, что перенес меня, пьяного, через Сиваш, выселю тебя вместе с Катькой в дом престарелых.

– В богадельню?! – испугался Бочкин.

Ему представилось здание – помесь больницы с вокзалом, битком набитое вонючими сварливыми стариками и санитарями, работающими по совместительству в сумасшедших домах.

Еще он увидел оклеенный черным дерматином стол, за которым среди беспрерывно чихавших и кашлявших пожилых людей сидел он, Малофей, и клеил вместе с остальными пакетики для презервативов под присмотром огромного дядьки, раздававшего налево и направо оплеухи нерасторопным старикам.

«Каждый день небось похороны там», – с тоской подумал Бочкин.

Ему стало даже не по себе.

Он присел на край обглоданного табурета и пробормотал:

– Все сделаю, большевистское даю.

Когда за управдомом захлопнулась дверь, Малофей вернулся в комнату, ворча:

– Ирод партийный, сопля морская. Утопить бы тебя тогда, суку.

Но ругайся не ругайся, а ремонт делать надо. К слову сказать, Малофей подумывал о нем уже не в первый раз, но по дому двадцать лет ходили слухи, что дом не сегодня-завтра снесут. Малофей даже сам писал в ГПУ, чтобы уничтожили этот троцкистский притон вместе со всеми жителями, кроме, разумеется, Малофея и его супруги. На самом деле дом действительно собирались сломать, а на его месте, в центре Москвы, построить перевалочный элеватор для канадского зерна, поступающего транзитом из Ливерпуля во Владивосток. Но побоялись. Дом-то принадлежал в прошлом царице Елизавете, а она известна была тем, что постоянно все прятала, так как была отчасти больна клептоманией. Поэтому власти не без оснований подозревали, что в доме полным-полно кладов; а так как в стране все воровали и никто никому не верил, со сносом дома всякий год откладывали до лучших времен.

Но вернемся к нашему повествованию. Как тараканы узнают о предстоящем ремонте, можно только диву даваться. Но хотите верьте, хотите – нет, когда Бочкин по причине бессонницы вышел среди ночи на кухню, он увидел, как тараканы сплошной рекой, подобно первомайской демонстрации, двигались на выход к продажным дверям бочкинской квартиры. Увидев такое, Малофей словно осатанел и стал поливать их кипятком из чайника и топтать ногами, обзывая эмигрантами, троцкистами, бандитами и прохвостами.

Он верил в переселение душ и потому думал, что в его доме под видом тараканов живут выданные им чекистам в разное время люди. Каждый таракан у него нумеровался и под соот-

ветствующей фамилией значился в списке. Дать им ускользнуть – значило обречь себя на постоянное беспокойство: не сообщат ли они кому-нибудь каким-либо остроумным способом о том, что с ними приключилось в свое время и какую роль сыграл в этом приключении Малофей.

Покончив с нежелательными свидетелями и пересчитав убитых тараканов, Бочкин немного успокоился: все были налицо. Пол он из-за плохого самочувствия не стал вытирать (сам высохнет), замел только мертвых тараканов и лег спать.

Проснулся он наутро с тяжелым сердцем. Ступил на пол и чуть было не упал: постеленный на гудрон паркет за ночь взбух и торчал во все стороны, словно кривые кочки на болоте.

«Ничего, – подумал Малофей, – натаскаю земли, забью щели и посажу левкой». (Малофей очень любил левкой.) С этой мыслью Бочкин поднялся и пошел в ванную. Не успел он, однако, умыться, как пришли маляры, неизвестно каким образом пронюхавшие о ремонте.

Морща красные от мороза носы, они придирчиво осмотрели комнату, время от времени делая замечания в форме глаголов повелительного наклонения, типа: «снять», «убрать», «накрыть», «запереть».

Поторговавшись с хозяином и взяв пятьдесят рублей задатка, они пошли похмеляться, а Бочкин тем временем, крихтя, полез под потолок – снимать старую бронзовую люстру, которую он помнил еще с того дня, когда в 1917 году впервые пришел в этот дом, чтобы выкинуть из него законных владельцев.

Осторожно сняв люстру с крюка, Бочкин присел на одной ноге, суетливо пытаясь другой дотянуться со стула до поверхности спасительного стола.

«Короче, что ли, стала нога?» – подумал он.

Стул покачнулся. Чтобы не упасть, Бочкин стремительно выпрямился. От неожиданной нагрузки ножка стола, полвека служившая ему верой и правдой, подломилась, и Малофей полетел вниз, беспорядочно пытаясь зацепиться за освободившийся крюк. К несчастью, это ему удалось. По потолку пошли веретенообразные трещины, как по реке в половодье, и плафон рухнул вместе с Бочкиным на пол, произведя кругом разрушения, достойные Тунгусского метеорита.

Когда вбежала Катрин, муж лежал ничком среди развалин, а у него на спине, распластав крылья, словно орел-кречет, сидел раскрытый железный сундучок, из которого во все стороны сыпалась какая-то бижутерия.

Спустя некоторое время Бочкин все же открыл глаза и увидел, что лежит в постели, а у изголовья сидит ставший ненавистным ему управдом, нервно комкая в руках свою клоунскую клетчатую кепку.

Заметив, что Малофей очнулся, управдом наклонился к нему и ласково прошептал:

– Зачем же ты, дурачина, затеял ремонт-то?

– Ты сам велел, – буркнул Малофей.

При этих словах управдом благородно выпятил грудь и, задышав, словно турман перед почтовой голубкой, проворковал:

– Считаю, что я пошутил. Ничего делать не надо. – И отвернул счастливое лицо.

А Малофей, глядя на громадную дыру в потолке, вспомнил авансированные пятьдесят рублей и заплакал. Поняв плач Малофея как знак восхищения его щедрым поступком, управдом обнял Бочкина и, словно малого ребенка, стал укачивать, а тот вырывался, тыкаясь покоренным носом ему под мышку, и сквозь слезы шипел:

– Сука ты... грязная большевистская сука... пятьдесят рублей...

Забегая вперед, сообщим читателю, что Малофей впоследствии, хоть и ругался, плевался, писал на ма-ля-ров в МГБ, что они троцкисты, денег своих обратно уже не получил никогда.

Правда, ему дали в том же доме в два раза большую комнату, в которую он и переехал на свое горе, не забыв прихватить уже упомянутый нами сундучок.

В образцовом отделении милиции имени В.И. Ленина царили предпраздничная суматоха и нервозность. Дело было в том, что старый год кончался, а до выполнения встречного плана пятилетки не хватало посадить одного человека. Поэтому, когда в дежурке раздался телефонный звонок, десяток пар грязных липких лап потянулись к телефону.

Быстрее всех оказался похожий на лошака участковый Погадаев, самый молодой и глупый из всех милиционеров.

– Ромушка, голубчик, приходи, голубенок мой, сосед собаками меня травит, троцкист, ох.

– Иду! – крикнул Ром и выбежал на улицу.

По дороге ему встретились два вора, которых недавно условно досрочно освободили на поруки по просьбе продавцов магазина, в котором они совершили кражу. Они тоже куда-то спешили.

«Послежу за ними, – подумал Ром, – заодно и старичка как следует покусаят собачки, а то ведь вывернется, подлец!»

Он крадучись пошел за жуликами.

А те вошли во двор радиомагазина и вскоре, поминутно оглядываясь, вышли обратно, сгибаясь под тяжестью огромного ящика.

«Телевизор цветной украли, – обрадовался Ром. – Ну, теперь из троих кто-нибудь да сядет».

Воры погрузили украденный телевизор в такси, а Ром, который едва сводил концы с концами, побегал следом (но успел) и, вытащив незаряженный пистолет, на плечах жуликов ворвался в «малину».

– Руки вверх! – заорал он и кинулся к ящику, который стоял на столе.

Дрожащей левой рукой, не выпуская пистолета из правой, он вскрыл ящик и отшатнулся: там, словно приклеенная ко дну, стояла бутылка «Московской особой», которая не выпускалась заводами уже более ю лет, и лежал аппетитный шмат сала, нашпигованный крупным чесноком и обильно политый хреном.

Воры покатались со смеху, а обескураженный Погадаев с горящим от стыда лицом кинулся вон, зло думая про себя: «Ничего, на “собачнике” все вымещу, гады».

Теперь он спешил. Но решительно ему не везло в этот день: на Пушкинской ему преградили дорогу танки, готовившиеся к новогоднему параду. Однако служебный долг одержал в Погадаеве верх, и он смело перекрыл движение и перешел улицу, только на той стороне вспомнив про подземный переход.

Между тем строй танков нарушился. Задние, не понимая, в чем дело, стали налезать на передних. В образовавшейся суматохе началась паника, и кто-то отдал приказ стрелять.

Улица окуталась пороховым дымком.

Но Ром этого уже не видел. Он был у цели и только подумал: «Жаль, салют не удастся посмотреть». Он взбежал на третий этаж и позвонил.

– Где сосед?!

– Спрятался, гад, – ответил, как вы уже догадались, слегка покусанный Малофей.

– Так, – сказал Ром, вытаскивая из планшета измятую бумажку. – Протокольчик составим.

– У него, Ромушка! – вскричал Бочкин, загораживая свою дверь.

– Когда отменят конституцию, тогда у него, а пока – у тебя. – И, отодвинув в сторону протестующего старика, вошел в комнату.

Глазам его представилось настолько ошеломляющее зрелище, что у него отнялись ноги.

На круглом вращающемся табурете перед треснутым трюмо красного дерева сидела куча пахучего тряпья, из которого выглядывала лукавая старушечья головка, вся увешанная брил-

лиантами, сапфирами, рубинами и изумрудами в дорогих золотых оправках тончайшей ювелирной работы. А на столике трюмо беспорядочной грудой валялись жемчужные нити редкостной красоты вперемежку с Высочайшими орденами на выцветших атласных лентах.

Прошло немало времени, прежде чем Погадаев пришел в себя и смог, заикаясь, спросить:

– Где взял др-р-рагоценности?

– На развалинах родного угла нашел, – подбоченясь, отвечал старик.

– Что же ты их не сдал, сука ты полудохлая?

– Вот еще, – вознегодовал Бочкин. А ты бы сдал?

– Я-то бы сдал, если бы нашел, – соврал Погадаев. – А теперь я все конфискую и сдам, – сказал он, торопливо запихивая в ранец сокровища.

– Не смеешь! – кинулся к нему взбешенный старик, но, оглушенный рукояткой пистолета, отлетел в угол.

– Что у вас тут происходит? – раздался молодой мужской голос. – Собаки жрать не могут, – ив комнату вошел «собачник». – Так, – многозначительно сказал он, увидев драгоценности, – государство последние копейки проедает, а вы бриллианты у него издите? Рекс, тубо! – позвал он, и в комнату с оскаленными пастями вбежали четыре ротвейлера, о которых Погадаев знал, что это самые страшные собаки на свете. – Охранять! – велел сосед, а сам зашел к себе и вернулся с «дипломатом», в который бесцеремонно сложил сдёрнутые с кокетливо улыбавшейся старухи, а также находившиеся у Погадаева ценности. – Я скоро вернусь, – сказал он псам и ушел.

Когда они остались одни, Погадаев сказал немного пришедшему в себя Бочкину:

– Как бы он нас не пристукнул.

– Ты виноват, – крикнул из угла Бочкин, – ты и выкручивайся! Ей-то он небось ничего не сделает, – добавил от себя Бочкин. – У, дура! – и плюнул в сторону жены.

– Надо притвориться дураками, – сказал Погадаев, – тогда он нас не тронет.

Бочкин согласно кивнул, и когда вернулся «собачник», то увидел презабавную картину: Погадаев и Бочкин, разыгрывая сексуальную сцену, сняв штаны, целовались взад, к удивлению ротвейлеров, которые не сводили с них умных глаз, ловя каждое движение.

– Собак бы хоть не развращали, придурки! – воскликнул «собачник», у которого, собственно, было имя: звали его Игорь, а фамилия Серебров-Окладов, доставшаяся ему от его ученого деда.

Хозяин увел собак и затворился у себя, а незадачливый Погадаев и простофиля Бочкин стали думать, как вернуть ценности назад. О том, чтобы сдать их государству, они больше не вспоминали.

– У меня есть один приятель, – осенило вдруг Погадаева, – истопником у нас в общежитии работает. Он найдет решение.

И новоиспеченные компаньоны бегом направились к истопнику. Истопник внимательно выслушал их, время от времени бросая взгляд на клетки, в которых он разводил серых крыс для института бактериологии, и думал: «Вот занятие, которое дает мне пятьсот рублей в месяц, а тут сомнительное дело, да еще криминал». Тем не менее природная любовь к приключениям в нем вскоре одержала верх над стерилизатором-разумом, и он согласился участвовать в корпорации.

Первым делом нужно было усыпить бдительность Окладова. Истопник позвонил в квартиру Бочкина и гнусаво произнес:

– Звонят из психиатрической больницы имени Ганнушкина. У вас проживает Малофей Бочкин?

– Да, – недоуменно ответил Серебров-Окладов.

– Так вот, они только что поступили к нам, с ним еще какой-то милиционер... Целуются, обнимаются и мелют какой-то вздор о бриллиантах. Это дает нам основание предположить,

что оба больны тяжелой формой паранойи, а потому мы вынуждены заключить их под стражу в буйное отделение нашей больницы. К вам у нас просьба: передайте жене Бочкина, чтобы не волновалась. У нас очень хорошие врачи, и думается, что скоро, лет через пятнадцать – двадцать, они смогут вернуться к нормальной жизни.

– Мне это безразлично, – сказал Окладов, – а жене его я передам.

В телефоне щелкнуло и послышались короткие гудки.

– Так, – сказал истопник, – теперь следить!

Появившись в отделении, Погадаев первым делом зашел в библиотеку, но не простую, а золотую, в которой хранились досье на всех жителей микрорайона, включая грудных младенцев.

Но не успел он открыть папку с надписью «Серебров-Окладов», как вбежал дежурный и крикнул:

– Эй, Погадай, тебя начальник к себе требует!

Погадаев все бросил и пошел.

Вызов начальника не предвещал ничего хорошего. С бьющимся сердцем он открыл обитую дерматином поносного цвета дверь и замер по стойке «смирно» перед генерал-маршалом Дубосековым.

– Вот зачем я позвал вас, Погадаев, – не спеша начал генерал-маршал. В нашем отделении вы служите более семи лет. За это время вы не только не раскрыли ни одного маломальски приличного преступления, но, напротив, только путаетесь у всех под ногами, а то и вовсе не даете людям работать. Поэтому-то я и решил поручить вам самое сложное и запутанное дело, происшедшее недавно в нашем районе. Случилось следующее: во время репетиции новогоднего парада какой-то идиот перекрыл движение. В образовавшейся суматохе началась пальба. В результате прямыми попаданиями было сметено с лица земли издательство «Известия», разрушены здание Моссовета и два детских дома. Есть сведения, что злоумышленник был такого же примерно роста, как вы, волосы русые, как у вас, курносый нос, также похожий на ваш. – Начальник пристально посмотрел на Погадаева и продолжил: – Поговаривают, что он был даже одет в форму нашего отделения милиции, но я лично этому не верю: у нас все ребята из сельской местности, никогда не видевшие машин. Они и на улицу-то выйти боятся... Вам, Погадаев, предстоит раскрыть это дело. Вот вам пятьсот рублей на расходы. Идите и с пустыми руками не возвращайтесь.

Мрачнее тучи вышел Погадаев от начальника. Надо же! Впервые в жизни он знал, кто преступник, но не мог его посадить. К тому же это осложняло дело с отъемом драгоценностей. Нужно идти к истопнику: он все разъяснит.

И Погадаев рванулся на улицу. Там он едва не сбил с ног очаровательную, на его взгляд, девушку, к тому же на вид очень аппетитную: она была в темных очках, в красной итальянской пелеринке и в высоких, до ляжек, изящных сапожках.

– Ну ты, му. к! – сказала она, отлетев к стене.

– Простите, – пролепетал смутившийся Погадаев, подбирая деньги, от толчка выпавшие из кармана.

Взгляд девушки смягчился.

И Погадаев решился задать ей первый пришедший на ум вопрос:

– Я тут за преступником гонюсь. Не пробегал он здесь?

– Как же, пробегал, – приветливо ответила девушка. – Он еще иголкой уколол меня вот сюда. – Она взяла руку Погадаева и, приподняв платье, приложила к своему пухленькому лобку.

У Погадаева подкосились ноги, в ушах поплыл малиновый звон, и он чуть было не испачкал форменные кальсоны.

– Идем, я покажу тебе, куда он побежал. Девушка потащила его за угол. Честно говоря, не только с такой хорошенькой, а и вообще с девушкой Погадаев имел дело впервые, поэтому, увлекаемый ее порывом, он послушно позволил привести себя на чердак какого-то полутемного подъезда.

Там они зачем-то обыскали весь чердак и, конечно, никого не найдя, присели отдохнуть на новенький пескоструйный аппарат, видимо, забытый рабочими при ремонте дома.

– А ты миленький, – вдруг сказала девушка. Она повернула его к себе и погладила по груди. Погадаев задрожал. – Хочешь, я тебя сделаю счастливым? – шепотом спросила она и, не дожидаясь ответа, расстегнула ему галифе и, вытащив, сами догадываетесь что, стала ласкать и мять в теплых волшебных руках.

Потом она приподняла платье и села на это пушистым лобком. Погадаев тут же содрогнулся, как мотор отечественного холодильника, и, словно кит, выбросил фонтан в девушку. Но вылезать из чудесного влагалища ему не хотелось. Это было первое в жизни половое сношение Погадаева.

Разумеется, его тут же охватило чувство любви и благодарности к милой незнакомке, и он сказал:

– Любимая, когда я служил в армии...

– Молчи! – перебила девушка, прикрывая ему рот. – Я все знаю.

– Родная, – выпалил Погадаев, – давай поженимся! Хочешь?

– Разумеется, – ответила девушка. – Так всегда полагается поступать порядочным людям.

– Мне еще замполит говорил, – встрял-таки в разговор Погадаев, – вые. шь кого-нибудь – женись, больше тебе никто не даст. А когда ты успела снять трусы? – вдруг неожиданно для себя спросил он.

– Это секрет, – ответила девушка, и Погадаев успокоился.

Потом они еще раз испытали счастье любви, и растроганный Погадаев на руках отнес свою невесту к метро «Беляево-Богородское».

Назначив свидание, он долго махал ей рукой, пока она опускалась по эскалатору.

Дежурная по станции окликнула его:

– Товарищ милиционер!

Он повернулся к дежурной.

– Вы где-то испачкались мелом.

Погадаев отошел в сторону и стал отряхиваться. И тут, о боже, ужасная мысль бросила его в холодный пот: прежде пухлый от денег карман оказался пустым.

«Потерял!» – подумал Погадаев.

Он диким взглядом обвел вестибюль, затем выскочил на улицу.

«Скорей на чердак, – говорил ему ум, – деньги там».

Только к вечеру следующего дня он разыскал тот подъезд, в котором познал приятную сторону жизни. Как вы, наверное, догадались, денег он там не нашел.

«Где я их мог потерять? – думал Погадаев, заглядываясь на луну, соблазнительно белевшую из туч, как женская жо...а. – Ничего, – утешал он себя, – отнимем бриллианты, будут и деньги».

Мысль о том, что он теперь не один, подстегивала его, звала на подвиги. Светлый образ любимой побуждал к действию.

Истопник Муромцев, сын бывшего действительного статского советника канцелярии Свешникова, слыл человеком опытным и трезвым.

Он носил бороду, от которой частенько пахло тройным одеколоном.

«Следит за собой», – думало начальство, но ошибалось. Одеколоном Муромцев, по совету знакомого лагерного врача, лечил больную печень, подпорченную в свое время не очень хорошим питанием.

И когда Погадаев пришел к нему, Муромцев, как по расписанию, следовал заведенному ритуалу. На столе стояло несколько флакушек одеколона, частью полных, а частью уже выпитых.

Напротив, перед блюдечком, в которое также был налит одеколон, сидела ручная говорящая крыса Машка, верная собутыльница и интересный собеседник, – одним словом, та подруга, с которой истопник расстался бы только вместе с жизнью и которую правдами и неправдами пытался отнять у него институт.

Продрогший Погадаев выпил кружку одеколона и, обливаясь слезами, все рассказал другу.

– Повезло тебе, Погадаев, – смеясь, сказал истопник.

– Почему? – недоуменно переспросил Погадаев, надеясь, что истопник завидует тому, что он женится.

– Потому, что с бля. ю ты был, с воровайкой...

– Да как ты смеешь? – вскричал Погадаев и кинулся на близкого друга.

Однако тот с детства знал дзюдо и без труда справился с участковым.

– Иди лучше спать, – сказал он и подтолкнул Погадаева к печке. Сам он погладил по спине крыску, принимавшую участие в свалке, и подлил ей в блюдечко одеколона, не забыв по обыкновению и себя.

А Погадаев ворочался, ворочался на печке и, сося укушенный Машкой палец, думал: «А что, все может быть».

– Ты, му. к, – вдруг пьяно пробормотал истопник, – слышь, у нее наколки были?

Погадаев негодуя засопел и не ответил. Через некоторое время истопник захрапел.

Проснулся Погадаев от какого-то странного зуда между ног. Казалось, комары налетели в штаны и кусают нещадно.

Погадаев слез на пол и, отодвинув заслонку, снял брюки. То, что он увидел, было свыше его сил: мириады каких-то насекомых, похожих на черные абажурчики с беленькими кисточками ножек, суетились, поминутно скрываясь в волосах и вновь выбегая на свет. Это походило на муравейник, живущий своей жизнью, и Погадаев застонал.

Проснулся истопник и, обложив милиционера площадным матом, никак не свойственным сыну действительного статского советника, приковылял к Погадаеву.

– Брить! – безапелляционно констатировал он.

Погадаев покорно взял станок с лезвием, которым брились не менее трех поколений Муромцевых и, преодолевая жуткую боль, сбрил между ног все волосы и, по совету истопника, для верности обильно полил керосином.

– Теперь сдохнут, – убежденно сказал истопник и моментально уснул.

«Так вот она какая, первая любовь», – размышлял Погадаев, морщась от нестерпимого жжения в паху.

Так прошло несколько часов. Но странно, зуд не унимался, а, напротив, становился все сильнее и невыносимей. Не в силах больше терпеть Погадаев слез и снова наклонился над печкой.

Рассерженные, со сверкающими лютой злобой очами, насекомые предстали взору Погадаева.

– А, гады! – воскликнул, отшатываясь, Погадаев.

В это время из печки выпал уголек и упал на пропитанные керосином галифе участкового. Погадаев не успел охнуть, как пламя охватило его. Помня наставления замполита, Погадаев бросился на пол, сдернул галифе и швырнул прочь. Кто мог знать, что они упадут в опилки, которые Муромцев хранил на подстилки для крыс? Они вспыхнули моментально.

Проснувшийся истопник крикнул: «Ай!» – и первым делом открыл клетки со своими любимцами.

Жуткое зрелище преисподней возникло на месте котельной. Гудящее пламя, воня керосином и одеколоном, разбрелось по углам, сжирая все на своем пути. Обезумевшие животные с визгом носились по полу в поисках выхода.

Истопник с лопатой в руках, с волосатой шевелящейся грудью, был подобен Вельзевулу. Рядовой черт Погадаев, с обгоревшей промежностью, плясал на месте.

Сами видите, это был настоящий ад.

Когда через два часа приехали пожарные, они увидели на месте новенького трехэтажного общежития только небольшую кучку головешек на подталом снегу и вокруг нее – хоровод милиционеров в голубом форменном белье, ежившихся от холода и постукивавших ногой об ногу, как на остановке автобуса. Тем не менее они окатили их ледяной водой и умчались, завывая сиреной, восвояси.

А Погадаев и истопник в это время сидели на радиаторе в подъезде дома напротив, глядя друг на друга, как два злых таракана, и думали, где бы им добыть старенькие тренировочные.

Погадаев думал еще о том, что теперь он стал рецидивистом, а Муромцев размышлял, спаслась ли Машка.

Муромцеву было смешно. Глядя на озябших милиционеров в окно, чувствуя под задом горящие «щечки» радиатора центрального отопления, он радовался теплу и тихо, с сознанием морального превосходства, мурлыкал как бы про себя:

– У, дур-раки, дер-ревенщина.

Погадаев был настроен иначе, философски. Он придумывал продолжение к пословице «Друг познается в беде». «А баба в изде», – добавлял он уже от себя.

В этот момент истопник слез с радиатора и с чувством собственного достоинства нараспев произнес:

– Е... твою мать...

– Что? – переспросил задумавшийся Погадаев.

– Бочкина-то мы забыли, – сказал истопник ужасным голосом.

– Как? – удивился Погадаев.

Вообще-то у него был хронический словесный понос, но в данном, исключительном, случае он предпочитал говорить односложно.

– Забыл я совсем про Бочкина, – сокрушался истопник. – Спал он, понимаешь, за печкой, с вечера еще спал.

– Так он сгорел? – наконец разродился Погадаев.

– Может и сгорел, – ответил Муромцев. – То есть я хочу сказать: хорошо, если дотла сгорел. А, впрочем, если не дотла, тоже хорошо.

Погадаев не понимал странную логику истопника – ведь погиб человек, однако поверил ему на слово, и, чтобы показать свой ум, сказал:

– Вот дурак-то Бочкин, ей-богу, дурак!

И оба затряслись безумным смешком: простодушный истопник смеялся себе на уме, а Погадаев (с хитрым выражением лица) – за компанию.

В это время выше этажом что-то зашмыгало, захлопало, и, оставляя на ступеньках грязные следы кривых паучьих ножек, перед ними, с неземным выражением лица, появился выходец с того света, новопреставленный Малофей Бочкин.

Вид его был ужасен. На шее болталась огромных размеров серая крыса, отчего Бочкин стал похож с залитой кровью шеей на Иоанна Крестителя.

Его потрескавшийся рот непрерывно, вперемежку с проклятиями, изрыгал цитаты из Апокалипсиса:

– И возник конь рыжий, и всадник на нем. Одежда его состояла из лохмотьев, от которых исходил нестерпимый запах гари и свежего кала.

«Оборотень!» – подумал Погадаев и, дав задний ход, рванул вниз.

Он наизусть знал досье Бочкина. Там было черным по белому написано: в ноябре 1917 года бесследно канул в воду Соломон Моисеевич Каценельбоген, а из воды вышел русский партиец – Малофей Капитонович Бочкин. Молнией пронеслось все это в голове Погадаева, и каким бы дураком он ни был, а все же сообразил, что Бочкин не мог знать апостола Иоанна Богослова, а тем более – сочиненного им Апокалипсиса.

Муромцев же, не любивший принимать опрометчивых решений, к тому же приметивший на ухе Бочкина свою любимицу, был настроен более атеистично. Он аккуратно отцепил дрожащее от страха серое существо и сунул себе за пазуху.

После этого он еще раз внимательно оглядел Малофея и вынес оправдательный приговор:

– Малофей, ты – жив.

– Спалить хотели старика, – безучастно прошипел Бочкин.

«И возник конь черный и всадник».

– Нет, ты погляди, Погадаев, – крикнул вниз истопник участковому, который опасливо выглядывал из-за пролета, – ты погляди, какой старик-то у нас. Орел, впрямь, орел. Чапаев!

– Издеваетесь, – зарычал Бочкин.

– Да нет, что ты! Да иди ты сюда, идиот, – заорал Погадаеву Муромцев, которому не терпелось заняться крысой.

И пока Погадаев с Бочкиным на груди друг друга выплакивали каждый свою одиссею, истопник достал ожившую потеплевшую Машку и, дав ей кусочек шоколада, чудом завалившийся в кармане, спросил:

– Ну как ты, маленькая?

– Одна спаслась, – сокрушенно ответила Машка.

В это время внушительного вида гражданин в полосатой пижаме отворил дверь и, высунувшись в притвор, пригрозил:

– Не будете давать спать, менты проклятые, я на вас вашему начальству нажалуюсь.

– Что ты сказал, сука ооровская, педераст! – загремел Муромцев и, пустив в гражданина крышкой от мусорного ведра и произведя таким образом артподготовку, сделал вид, что бросается к двери.

Испуганный гражданин скрылся.

– Надо сматываться, – сказал Погадаев, забыв, что он участковый, – сейчас позвонит.

– Му. к ты все-таки, Погадаев, – сказал истопник. – Куда он позвонит?

– Ноль два.

– Куда его направят?

– В наше отделение. Понял! – радостно закричал Погадаев.

И в это время подъехала коляска.

– Оперативно работаете, – съязвил Бочкин. По лестнице поднимались милиционеры.

– Вот эти, – высунулся гражданин в пижаме.

– Восильев, забери его, – обратился Муромцев к старшему наряда. – Это он поджег общежитие.

Милиционеры быстро скрутили гражданина в пижаме и поволокли вниз. Компаньоны пошли на выход, а Муромцев говорил вслед гражданину:

– Предупреждал я тебя – не связывайся с милицией, а ты – подожду да подожду.

– Гражданин, – закричал гражданин, – любименькие милитончики, он все врет!!!

– Ничего, – сказал Федяев, которого на днях приняли в милицию из деревни по направлению интерната для умственно отсталых подростков, – следствие разберется.

– А-а-а! – заголосил гражданин.

А истопник сказал:

– Ничего, это тебе на пользу пойдет, в другой раз спать будешь крепче.

В милиции их встретили радостно. Истопнику и Погадаеву выдали новенькое обмундирование, а Бочкину – темный костюмчик из ткани «Патриотик» и зеленую шляпу.

Всех накормили и поднесли по сто грамм. Шутка ли, остались в живых!

И только Дубосеков, хоть и настроен был доброжелательно, но деньги, пятьсот рублей, списывать не хотел, несмотря на то что Погадаев представил акт сторания за подписью Муромцева и Бочкина.

– Дай хоть сотню, – упрямо твердил начальник, – тогда спишу.

Итак, несколько важных дней было пропущено. Но компаньоны тем не менее не теряли надежды.

На следующее после пожара утро они заняли наблюдательные посты: Погадаев устроился под скамьей игрушечного домика на детской площадке, проделав в его стене отверстие в сторону подъезда, из которого должен был выйти Окладов; малохольный Бочкин спрятался в мусорном бачке дворовой помойки, а истопник влез на чердак дома напротив с мощным морским биноклем.

Оставалось лишь ждать, и все терпеливо ждали.

Тем временем стало подмораживать. Погадаев чувствовал, как холод забирается в сапоги, у Муромцева покраснел нос, но справедливости ради нужно сказать, что Бочкину пришлось хуже всех: мало того что у него к бачку примерзли усы, так еще не в меру ретивые хозяйки обсыпали его мусором.

Впрочем, последнее было не так уж худо, так как мусор давал тепло и годился для маскировки.

Настоящие испытания ждали их впереди.

Погадаев начал было дремать, как вдруг на площадку высыпали малыши из детского сада. Проснувшийся Погадаев обрадовался: следить за их играми было приятно и интересно.

Погадаев любил детей, во всяком случае, до этого дня. Однако черт решил взять пробу педагогического такта и характера Погадаева.

Вот что произошло: четыре возрастные группы, по сорок человек в каждой, стали бегать писать и какать в домик. Туалета-то на площадке не было. Накануне они как раз поели горохового супа, а утром попили смородинового киселя.

Погадаев ерзал под лившимися на него детскими экскрементами, но боялся напугать детей и лишиться наблюдательного пункта.

Тем временем все дети сбегали в домик по разу, некоторые – по два и по три, а несколько ребятшек почти не выходили оттуда. Погадаев начал понемногу привыкать, рассматривал в щелочку писочки девочек и размышлял: «Вот сволочи-няньки, совсем не смотрят за детьми. Надо будет запомнить у кого понос».

Тут его внимание отвлекли рабочие во главе с прорабом. Они зачем-то пришли на площадку и теперь горячо обсуждали, что делать с невесть откуда взявшимся на площадке мотором от МАЗа.

Вдруг прораб произнес энергичное выражение. Погадаев, правда, расслышал только: «на ***!».

Рабочие, кряхтя, подхватили мотор и с выпученными от натуги глазами потащили к помойке. Там они раскатали его и на счет «три» бросили мотор именно в тот бачок, в котором находился Малофей Бочкин. Тотчас по двору разнесся мефистофельский хохот. В дверях домика, на ходу натягивая штанишки, показались испуганные дети. Следом за ними, весь обоссанный и обосранный, вылез, трясаясь от смеха, Погадаев, показывая пальцем на бачок.

Детишки с воспитательницами, прыгая через штакетник, скрылись в детском саду. Рабочих словно Фома смел с площадки. Как говорится, в гордом одиночестве хохотал Погадаев во дворе, не в силах перевести дух. Тут в бачке раздался какой-то шорох и наружу показалась плешивая голова Бочкина, вся облепленная окурками, с торчавшими во все стороны обрывками

усов. Он что-то хотел сказать, но поперхнулся, увидев Погадаева, и тоже зашелся старческим смешком. Так они покатывались друг над другом, когда сверху, оттуда, где засел истопник, послышался истошный вопль.

Любопытный Муромцев, желая знать, над чем смеются внизу, упал с крыши. Чудом он зацепился ногами за голову стоявшего на балконе того самого мужчины, который якобы поджег общежитие. Отсидевший по постановлению прокурора трое суток, он был отпущен домой за недостатком улик.

Теперь, наказанный за свое любопытство, Муромцев висел на высоте третьего этажа вниз головой на шее мужика. Мужик, в свою очередь, наказанный за свое, орал дурным голосом, а тяжелый морской бинокль, раскачиваясь на шее Муромцева, как метроном, бил с размаху мужику по яйцам.

Бочкин с Погадаевым бросили свой дурацкий смех друг над другом, чтобы дружно насладиться смехом над истопником и мнимым поджигателем, и, когда тот судорожно начинал вырываться от Муромцева, орали:

– За х... его хватай зубами, пироман паршивый!

Но секунды Муромцева были уже сочтены. Хоть и вниз головой, но не потерявший чувства юмора, истопник наконец осознал всю комичность ситуации: он заржал, ноги его самопроизвольно разжались, и он свалился на специально расстеленную для этого на земле, как делают пожарные, загаженную шинель Погадаева.

Друзья бросились к нему, поставили на ноги и повели прочь со двора.

В воротах Муромцев оглянулся и крикнул мужику который блевал тяжелой блевотой с балкона прямо на памятник юному вождю пролетариата:

– Ну погоди у меня, ответишь еще за подожженное общежитие!

В то время как происходили описанные выше события, Серебров-Окладов возвращался домой из однодневного дома отдыха. Войдя в ворота двора, он застал уже заключительный акт трагикомической сцены и добродушно усмехнулся в усы.

Тем не менее, встретившись лицом к лицу с незадачливыми компаньонами, он укоризненно покачал головой и сказал:

– Право, нехорошо, господа, поучились бы себя вести у собак.

Те вздрогнули разом, как от разряда высоковольтной линии, и смылись. А Серебров-Окладов у подъезда воровато оглянулся и скрылся за массивными двойными дверями. Войдя в подъезд, Окладов торопливо спустился в подвал. Озираясь по сторонам, он сунул руку под лежавшие в беспорядке доски и с удивлением обнаружил, что там ничего нет.

Его бросило в дрожь, и он лихорадочно стал выкидывать наверх безнадзорные пиломатериалы.

Через полчаса в подвале стало так чисто, как никогда не было со времени установления советской власти. Зато пятнадцать кубометров пиломатериалов валялись на лестнице так, что пройти сквозь них не смогла бы никакая амфибия. Но коробку из-под ботинок «Рила» Серебров-Окладов не обнаружил. А ведь именно в ней он хранил сокровища королевы Елизаветы. Проклиная на чем свет стоит советских людей и не подумав убрать за собой из подъезда грязные доски, он кое-как протиснулся между ними и поднялся на свой этаж.

А компаньоны пришли в котельную нового общежития, где у них была теперь новая штаб-квартира. Настроение у них было подавленное. Во-первых, они себя рассекретили. Во-вторых, новое общежитие помещалось в Театре сатиры, у которого МВД отобрало нижние этажи, и вот теперь сверху все время слышалось:

– Ха-ха-ха.

И несчастным милиционерам казалось, что это смеются над ними.

Первым делом Муромцев осмотрел клетки для крыс, сделанные ему по спецзаказу на Лодзинской судоверфи в связи с постоянно кризисным состоянием Польши, погладил Машку

и дал ей кусочек шоколада «Тройка» с орехами, который она очень любила. Маленькие крыски испуганно жались по углам клетки, но Муромцев всех достал, осмотрел и, удовлетворенно хмыкнув, повернулся к товарищам.

– Смотри, театр не сожги, – бросил он Погадаеву, который закурил, но от слов Муромцева закашлялся, хотя курил с рождения, и на его глазах выступили слезы благодарности.

– Итак, к столу, командиры, – сказал истопник. – У меня есть одеколон.

Все выпили и истопник продолжил:

– Как начальник штаба, я хочу предложить вам одну идею, но сначала хочу послушать ваши соображения.

– Уже сообразили, – кивнул Погадаев на пустую флакушку тройного. – Продолжайте, генерал.

– Так вот, – сказал истопник, – подследственный нас опознал, и теперь незаметно мы действовать не сможем. Каково ваше мнение? – Все согласно закивали. – Предлагаю вводить новый персонаж.

У присутствующих вытянулись лица.

– Но кого? – осторожно спросил Погадаев.

– Твою любимую, – отвечал истопник.

– Ка-ак?! – вскочил, словно ужаленный, Погадаев. Было затянувшаяся новой розовой кожей рана, причиненная проклятыми насекомыми, открылась и снова стала пульсировать, пронизывая Погадаева незримыми укусами. – Ну, знаешь!.. – угрожающе начал он.

– Не кипятись, человек дело говорит, – вставил свое слово Бочкин, которого не кусали.

– Мое мнение, – продолжал Муромцев, – подсунуть ее под Окладова. Он ее не знает и не заподозрит. А мы выясним, где камушки...

Большинством голосов был принят план истопника. Погадаев высказался против. Несмотря на пережитый ужас, он еще питал слабую надежду, что виновница трагедии – не девушка. Он с ненавистью посмотрел на Муромцева и вдруг вспомнил, что любимая не пришла на свидание.

– Так где ж теперь ее найдешь? – радостно вскричал он.

– Где? – переспросил Муромцев. – Да на трех вокзалах. – И, увидев, как перекошилось лицо Погадаева, добавил: – Пусть теперь Окладов полечится.

Все злорадно засмеялись, и даже Погадаев нехотя улыбнулся.

– Ладно, – сказал он, – хрен с вами!

– Тогда вперед! – скомандовал Муромцев.

На улице они поймали такси, уселись, и истопник, небрежно бросив на руль червонец, сказал, видимо, вспомнив юность:

– На три вокзала гони, получишь на чай.

Шофер не заставил себя уговаривать, и машина полетела, как птица.

В дороге Бочкин и Погадаев чувствовали себя как-то скованно и поминутно поглядывали на счетчик.

Погадаев стеснялся закурить, лишь Муромцев чувствовал себя непринужденно, словно и не знал другого транспорта.

Вытащив неизвестно откуда зеленую гаванскую сигару, на которой было почему-то написано «Амстердам», он серебряными щипчиками для ногтей откусил ее кончик и закурил, обдав пассажиров густым душистым дымом.

– А что, любезный, – обратился он к шоферу, – правда, что на трех вокзалах бя. ей, сколько душе угодно?

– Как не быть, – отвечал выдавший виды пожилой шофер.

– А ты что, всех там знаешь? – продолжал интересоваться Муромцев.

– Как не знать, – отвечал шофер.

- А у которой мандавошки?
– Райку, что ли? Да кто ж ее не знает!
– А что, мил человек, у нее всегда мандавошки?
– А вы, чай, не поймали? – осклабился шофер.
– Он поймал, – Муромцев кивнул на покрасневшего Погадаева.
– Что ж теперь, бить ее? – спросил шофер. – У нее отец – генерал милиции.
– Ну зачем бить? – поморщился Муромцев. – В моем роду, а насчитывает он тринадцать столетий, женщин бить не принято. Познакомиться хочется поближе.
– Так бы и сказали, что «Ваше Превосходительство», – ухмыльнулся шофер. – Я ведь тоже не из простых.
– Да кто ж ты?
– Гришки Отрепьева внук.
– Ах ты, сукин ты сын! – радостно вскричал истопник. – А знаешь ли ты, падла, что из-за твоего деда в России революция случилась?
– Как не знать, – самодовольно усмехнулся шофер.
– Так ты монархист? – строго спросил Муромцев.
– Никак нет! Анархист я, – сказал шофер.
– Троцкист ты, – вдруг с заднего сиденья встрял в разговор спокойно до того слушавший их Малофей.
– Чтой-то он? – спросил Муромцева шофер.
– Осведомитель, – мигнул Муромцев. – Ему везде троцкисты мерещатся.
– Ну и компания! – воскликнул, не выдержав, Погадаев. – Взять бы вас всех сейчас тепленькими.
– А этот?
– Милиционер.
– Тьфу.
– Не бойся. Покажешь нам Райку – и катись на все четыре.
– Эх, родные, залетные! – вдруг заорал таксист, и машина, взревев, зацокала копытами по Комсомольской площади.
Компания вышла. Муромцев на ходу швырнул таксисту четвертную.
Они подошли к массивным дверям Казанского. За исключением опытного таксиста, всем казалось, что женщины, входящие и выходящие из здания, все поголовно бл...ди.
– Ну и бл...дские же рожи у советских баб, – осерчал Муромцев.
– Не кипятись, – прошептал таксист и повлек друзей к женскому туалету. Оставив их у окна, он заглянул в туалет и крикнул: – Райка!
Выбежала миловидная девушка и, увидев Погадаева, нырнула было обратно, но Муромцев уже держал ее за запястье железной рукой.
Обратно ехали молча. Девушка, правда, один раз обозвала Погадаева фраером и один раз – педерастом.
Погадаев молчал, словно говном пообедал. В остальном доехали благополучно.
Вышли из машины, и шофер спросил:
– А деньги? По счетчику надо бы.
– Х. тебе, таксистская рожа! – весело шепнул Отрепьеву монархист Муромцев, и друзья радостно вошли в подъезд знаменитого театра.
А таксист, сжав баранку так, как сжимал грудь своей жены, когда она еще училась в десятом классе средней общеобразовательной школы, рванул с лязгом прочь.
– А я думала, на спектакль пойдем, – оказавшись в котельной, сказала девушка.
– Погоди, будет тебе «спектакль», – зло ответил Погадаев. – За все, сука, заплатишь.

Девушка прижалась к Муромцеву, а тот покровительственно обнял ее за пухлую грудь и сказал Погадаеву:

– Молодой человек, прошу вас соблюдать субординацию. – И добавил: – Если ты еще хоть слово вякнешь, недоносок, я из тебя вермишель сделаю. – Муромцев ласково улыбнулся девушке и увел ее для переговоров за печку.

Через некоторое время оттуда послышался шепот и какое-то чавканье. Погадаев с Бочкиным подумали: «Жрут чего-то». И обоим нестерпимо захотелось есть. Через несколько минут улыбающийся Муромцев вывел немного смущенную девушку из-за печки.

– Ну как? – спросили компаньоны.

– Согласна, – небрежно кивнул Муромцев.

– А ведь ее папаша-то, – прищурился истопник, – наш начальник.

– Пропал, – обмер Погадаев.

А Бочкин наконец снял шляпу и стал вертеть ее в руках, время от времени едва заметно кланаясь. Теперь на очереди было решить, как устроить знакомство.

– Экселенц, – обратился Погадаев к истопнику, – а что, если...

– Что? – спросил Муромцев.

– Да нет, ничего, – отозвался Погадаев, отгоняя, как назойливую муху, глупую мысль повторить все как в первый раз.

– Нашел!!! – закричал Муромцев. – Ух!! – Все взоры обратились к нему. – Устроим ее продавать портвейн.

– Ура! – закричали все, кроме девушки, удивляясь, как это, в сущности простое решение не пришло в их головы.

– Работать я не буду из принципа, – сказала она.

– Может, один день, а то и того меньше придется работать, – успокоил Муромцев.

И тут же, придя в магазин, устроили все в лучшем виде. В «винном» была непрерывная текучесть кадров, так как, поступив туда на работу, продавцы либо спивались, либо попадали за решетку, сплошь и рядом практикуя одновременно и то и другое.

«Интересно, сколько продержится эта?» – подумал директор.

Рано утром, получив последние наставления от Муромцева, Рая ушла на работу.

– Не торопись, – сказал на прощание Муромцев, – клиент, как только почувствует укусы, все расскажет, если ты покажешь ему эту бутылочку.

– «По-ле-тань», – прочла по слогам Рая.

– Бери, бери, – пробурчал ласково Муромцев и не удержался, чтобы не шлепнуть девушку по круглой вертявой попчке.

Директор, который всегда приходил на работу в пять часов утра, чтобы перемешать дорогие вина с разной дрянью, типа яблочной бормотухи, не на шутку встревожился, увидев через пять минут после него пришедшую Раечку. «Уж не из ОБХСС ли она?» – подумал он и заискивающе улыбнулся.

– Не из ОБХСС, не ссы, – сказала Рая, которая умела читать в мыслях любого подонка, как в своих собственных, и окатила директора взглядом, словно теплой мочой из таза.

Директор устыдился своей слабости и пошел перемешивать вина, проклиная на чем свет стоит свой нелегкий неблагодарный труд, а девушка присела на прилавок и стала ждать.

Ровно в пять тридцать утра она увидела наконец того, кого ждала. В длинном, на ватине, итальянском пальто, купленном в комиссионке Тишинского рынка, широко ставя ноги в американских ботинках Goodyear, вразвалку подошел наш герой к дверям винного магазина и деловито сквозь стекло заглянул внутрь. По виду Окладова сразу нельзя было разобрать, фарцовщик ли он или молодой пьянчужка. Однако он держался уверенно, как патриарх московской епархии Никон. Увидев привлекательную девушку с голыми ногами, сидящую на прилавке, он

приосанился, провел по коротко стриженным волосам крепкой загорелой рукой и поманил ее к себе.

Раиса неторопливо слезла с прилавка и, приоткрыв дверь, запертую на цепочку, увидела большеголового, похожего на ньюфа с собачьей выставки, парня, который улыбнулся и спросил:

– Выпить хочешь?

Она неопределенно пожала плечами и вдруг, тоже нечаянно, улыбнулась.

– Ладно, без фраеров, – сказал Окладов, которому девушка понравилась. – Пару портвейна!

Та покорно принесла бутылки.

– Что-то я тебя здесь раньше не видел, – сказал Окладов.

– А я первый день, – призналась Рая.

– Слушай, ты же совсем пропадешь здесь, – сказал Окладов, на которого, когда у него был портвейн, находили благодущие, сочувствие к людям и меценатство. – Вот что, – сказал он непререкаемым тоном, – возьмем сейчас еще портвейна и уйдем ко мне.

– А дальше что? – спросила Рая.

Наученный однажды горьким опытом, когда его взяли за чужую кражу из церкви, Окладов никогда не строил планов на будущее, поэтому он только ответил:

– Там видно будет, а будет все хоккей.

– Эх, была не была! – сказала Раечка. – Пошли!

Сгибаясь под тяжестью портвейна, которого влюбленные взяли с собой сколько смогли унести, они свернули в переулок и вошли в трехэтажный старинный дом, отделанный изразцами и с приделанной мансардой на третьем этаже, где помещалась квартира легендарного Шаламовича, который постоянно, находясь над Окладовым, надоедал ему тем, что непрерывно ходил в туалет, отчего тонкая акустическая перегородка превращала шум воды и перья Шаламовича в рев Ниагарского водопада.

Вообще о Шаламовиче нельзя не сказать особо. Родившийся после войны и обладавший ногами, которым мог бы позавидовать чемпион мира по бегу Куц, Шаламович притворялся инвалидом войны, ходил на костылях и носил на груди практически все ордена и медали Советского Союза. Я лично думаю, что это происходило от артистичности его любимшей выпить и похулиганить души, не любимшей, однако, отвечать в милиции за совершенные в этом состоянии поступки.

Но вернемся к молодым людям. Как только они вошли в дом, собаки немедленно признали в Рае хозяйку, потому что им до смерти осточертел Окладов. Да и он сам, покончив с двумя бутылками портвейна, стал заботливым и внимательным кавалером.

Уложив девушку на диван и глядя в ее синие счастливые глаза, Окладов, отхлебнув из носика заварочного чайника, поцеловал ее в раскрытые губы. И тут Рая вспомнила.

– У вас ванная есть? – спросила она.

Окладов провел девушку по скрипучим половицам и, включив свет, шепнул:

– Приходи скорей.

Девушка осталась одна. Она разделась и, вынув из кармана флакончик с «Полетанью», изогнувшись всем телом и вылила все его содержимое на пушистый лобок. Послышалось шипение, голубой дымок окутал ванную комнату и рассеялся. На дне ванны лежала приличная кучка дохлых манд...шек.

– Чудесное средство, – прошептала девушка и, включив воду, встала под душ, с удовольствием потирая намыленной губкой свое молодое упругое тело.

Озадаченный читатель вправе спросить: а как же приказ Муромцева? Но кто из нас возьмется осудить влюбленную женщину? Я спрашиваю, кто???

Лежа на специально постеленных для такого случая Окладовым крахмальных, с дырками, простынях, теплая, розовая, натертая махровым полотенцем, Рая была на седьмом небе от счастья. А когда Окладов совершил что положено, поднялась еще выше. Потом они покурили, лежа на спине, по очереди пропуская одно в другое колечки голубого дыма, не зная, что Шаламович в это время наблюдает за ними в обратный перископ, позволяющий видеть нижний этаж.

Прошло три дня. От Раисы не было никаких известий, и компаньоны решили навеститься в магазин. Там их встретил рассерженный директор и предложил оплатить украденный портвейн.

В ответ на это Муромцев предложил ему провести ревизию, чтобы установить факт недостачи или, грубо говоря, кражи. Тогда директор предложил им забавный компромисс. По условиям компромисса, компаньоны должны были взять бесплатно столько напитков, сколько смогут унести на себе, и, в свою очередь, обещать, что они видятся в последний раз. Тяжело нагруженные выпивкой, не позабыв конверт с наличными, подаренными директором магазина сверх компромисса, друзья вышли из магазина.

– Куда теперь? – тяжело дыша, спросил Бочкин.

– К тебе пойдем, – сказал Муромцев. – Все равно Окладов давно догадался, что ты никакой не сумасшедший, а просто му..к.

Нужно было видеть радость старенькой Кати при виде окрепшего от бивачной жизни мужа. Однако ее радость была недолгой. Вместо того чтобы сидеть в комнате, они пошли на кухню и стали пить, громко бранясь, рассказывая похабные анекдоты и чокаясь, как велел Муромцев. В сущности, им и велеть ничего не надо было: скоты по своей природе, они вскоре так наклюкались и так безобразно себя вели, что даже стены побагровели. Окладов, у которого иссяк запас портвейна – и за отсутствием валюты оный нечем было пополнить, – долго крепился, но потом все-таки пошел на кухню.

«Все же они в славных людей превратились: вот что с человеком делает страсть к кладоискательству», – ехидно думал он, идя по коридору.

– Послушайте, ребята, хотите со мной выпить? – спросил он у честной компании.

– Хотеть-то хотим, – отвечал Муромцев, – нос венерическими больными не пьем.

– Так это вы мне эту суку подсунули? – усмехнулся Окладов, которого второй день мучили приступы гонореи.

– Ну почему «подсунули», – огорчился Муромцев, наливая себе портвейна. – Хорошая девушка, дочь генерала...

– Райка! – повелительно позвал Окладов.

На кухню вышла девушка, исподлобья глядя на компаньонов.

– Беги за пенициллином, дядя меценат даст деньги, – сказал Окладов.

– Почему за пенициллином? – спросил Муромцев и вдруг все понял. Лицо его осветилось доброй человеческой улыбкой, он сгреб Окладова за грудки и прорычал: – Ты что же, гад, триппером ее наградил?

– Не знаю кто кого наградил, – вырываясь, пробурчал Окладов. – В этой стране у всех либо триппер, либо трихомоноз, либо манд. вошки...

– Ладно, – сказал Муромцев, передавая Рае деньги, – иди, милая, и не забудь купить шприц.

Повеселевшая девушка радостно побежала в аптеку, а Муромцев, наливая в блюдечко Окладова коньяк, спросил:

– А как там бриллианты поживают?

При слове «бриллианты» Погадаев и Бочкин, которые храпели, уронив голову, один – в умывальник, а второй – в помойное ведро, очухались и вытаращили на Окладова глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.